

М. РОСЛАВЛЕВ

Политическая муза Тютчева

Недавно (см. тетрадь первую «Возрождения» от янв. 1949 г.), в мастерском биографическом очерке к 75-летию кончины поэта Б. К. Зайцев спрашивал удивленно¹ — неужто Тютчев «не сознавал, что его дело, хоть и уединенно, но огромнейшей важности? Дипломат, философ, даже политик, утонченно трепетный человек, отзывающийся на мир, на природу, на женское обаяние, блестящий острословный собеседник — и между прочим пишет стихи. Так, будто бы для забавы, и значения им не придает. Где Пушкин, где профессия?»

Или, немного дальше:

«Тютчев созрел вполне. Тютчеву пятьдесят, и у него ни одной книжки! Случай в литературе беспрецедентный. Как ранее Гагарин занялся им, так теперь Тургенев выпустил книжку его стихотворений. Тютчев ничего не делал. Будто и не его стихи!»

А лет сорок тому назад, в своем предисловии к Полному Собранию Сочинений Ф. И. Тютчева (изд. Маркса, СПб., 1913), В. Я. Брюсов писал уже приблизительно то же:

«Именно в те годы, когда писатели начинают подводить итоги всему ими сделанному, Тютчев относился с величайшим равнодушием к своей возраставшей известности. Он довольствовался тем, что отдавал некоторые из своих стихотворений в печать, предоставляя другие их случайной судьбе»...

И там, и тут явно сквозит недоумение, в которое этот гениальный «дилетант»² повергал, и повергает еще литераторов-профессионалов своим отношением к собственной литературе.

Но в том-то и дело, что сам Федор Иванович никогда литератором, т. е. профессиональным писателем, не был, а был в общественной жизни не «философом и даже политиком», как пишет Б. К. Зайцев, а прежде всего политиком, и при том — не хладно-рассудительным, а страстно-увлекающимся, таким же

горячим и ни с чем в своих мечтах не считающимся, каким он был в своей личной, сердечной жизни. И для такого темпераментного борца, сознательно жертвовавшего своей служебной карьерой для защиты своих политических утопий, писание лирических стихов естественно было делом *третьестепенным*, которым он и занимался «между прочим», предаваясь охотнее горделивым мечтам и историко-философским трактатам * о Великой Восточной Империи, в которой он, вероятно, надеялся сыграть немалую роль и которую (до Крымской кампании, по крайней мере) он представлял себе так:

Москва, и град Петров, и Константинов град —
 Вот царства русского заветные столицы...
 Но где предел ему? И где его границы
 На север, на восток, на юг и на закат?
 Грядущим временам судьбы их обличат...
 Семь внутренних морей и семь великих рек...
 От Нила до Невы, от Эльбы до Китая,
 От Волги по Ефрат, от Ганга до Дуная...
 Вот царство русское... И не прейдет вовек,
 Как то провидел Дух и Даниил предрек.

А чтобы напомнить, какими путями мечтал наш энтузиаст вести Россию к этой светящейся в его воображении цели, я позволю себе, в добавление к этой «Русской географии» (48 г.), выписать тут еще два «пророчества» Тютчева, обычно «стыдливо замалчиваемые» его литературными исследователями **.

Не гул молвы прошел в народе,
 Весть родилась не в нашем роде —
 То древний глас, то свыше глас:
 «Четвертый век уж на исходе, —
 Свершится он, и грянет час!»
 И своды древние Софии
 В возобновленной Византии
 Вновь осенят Христов алтарь,
 Пади пред ним, о, царь России,
 И встань как всеславянский царь.

(Март, 1850)

* Известно, что после смерти Тютчева зять его И. С. Аксаков нашел в его бумагах объемистый незаконченный труд в 9-ти частях, из коих только две (II — «Римский вопрос» и VIII — «Россия и Революция») были опубликованы автором отдельными статьями.

** Нет этих вещей и в сборнике «Избранных стихотворений», только что выпущенном издательством имени Чехова в США ³.

Не мудрено, что осторожная политика русского правительства того времени выводила неистового Федора Ивановича из себя и что, вопреки полученному еще в тридцатых годах жестокому уроку (о котором речь ниже), он не постеснялся заклеить своего собственного, малорослого, как известно, высшего начальника по Министерству иностранных дел, нижеследующими дерзкими стихами:

**НА ГРАФА НЕССЕЛЬРОДЕ
(Выдержки)**

Нет, карлик мой, трус беспримерный,
Ты, как ни жмися, как ни трусъ,
Своей душою маловойной
Не соблазнишь святую Русь...
То, что Олеговы дружины
Ходили добывать мечом,
То, что орел Екатерины
Уж покрывал своим крылом:
Венца и скипитра Византии
Вам не удастся нас лишить.
Всемирную судьбу России
Нет, вам ее не запрудить!..

(Май, 1850)

Естественно, что такому подчиненному трудно было дожидаться высокого продвижения по служебной лестнице, и что — вопреки его родовитости и великосветским связям — последние 20 лет жизни ему пришлось довольствоваться скромной должностью старшего цензора при Особой Канцелярии МИД.

А ведь было время, когда молодому и блестящему дипломату-славянофилу казалась открытой блистательная служебная дорога. Я не говорю уже о том времени, когда его — еще совсем молодым — устроил на службу за границей влиятельный родственник его матери граф А. И. Остерманн-Толстой, друг и единомышленник тогдашнего министра ин<остранных> дел гр. Каподистрии. Но даже и после резкого поворота русской политики в начале двадцатых годов и замены этого горячего греческого патриота бескрылым поклонником Меттерниха⁴ очень скоро события на Балканах стали самотеком развиваться так, что нашему пылкому романтику, ученику Шеллинга и личному другу молодого Гейне, не могло не казаться, что «неумолимая логика Истории» рано или поздно приведет к торжеству его заветных идей.

Этим, а не только независимостью богатого и балованного барчука, объясняется и тон «дипломатической депеши», про-

ектированной им в <18>32 г., когда он был послан курьером из Мюнхена (где он служил уже лет десять при нашем посольстве) в Науплию, тогдашнюю столицу Греции, где царствовал Оттон Баварский⁵. Вот выдержка из этого курьезного документа, опубликованного в 1928 г. в «Известиях по русскому языку и словесности»:

«Странное дело! Несмотря на все препятствия времен мусульманского владычества и вопреки всем усилиям своих противников, Россия сумела в течение трех веков поддерживать без изъяна самые дружеские отношения с поработенной Грецией. А вот несколько месяцев оказалось достаточным для национального правительства освобожденной Греции, чтобы достигнуть результата, которого не могли осуществить три века чужеземного ига...» *, —

что было, по мнению нашего пылкого дипломата (выраженному, впрочем, не в этой депеше, а в более позднем письме), последствием того,

«что с самого 1814 года Россия только и делала, что игнорировала и предавала свои собственные интересы, чтобы обслуживать и защищать чужие...».

Впрочем, как уже сказано выше, Санкт-Петербургское начальство не очень-то считалось с мнением своего суетливого молодого агента и даже более того, через несколько лет после этой миссии воспользовалось одной его служебной «вольностью» (он, как известно, не спросясь покинул свой новый пост заместителя нашего посла в Турине для ускорения своей второй женитьбы), чтобы просто вычеркнуть его из кадров Министерства ин<остранных> дел и, что было еще обиднее, добиться лишения его камергерского звания. Но поскольку он располагал еще достаточными личными средствами и мог, даже и опальным частным человеком, по-прежнему наблюдать всю тогдашнюю европейскую ситуацию из ставшего ему родным и тогда еще далеко не «захолустного» Мюнхена, Тютчев не пошел в Канносу к Нессельроде, а, выждав несколько лет, выбрал-таки благоприятный момент, чтобы вернуться на Родину если и не формальным победителем своего министра, то, во всяком случае, с гордо поднятой головой, громко поддержанный почти всем столичным высшим светом и даже молчаливо одобренный самим Государем Николаем Павловичем. Я имею тут в виду его

* Не имея этого источника под рукою, перевожу с французского текста, приведенного в докторской диссертации Д. Стремоухова: «La poesie et l'ideologie de Tioutchev» (Paris, 1937).

торжество в С.-Петербургском обществе 1844—45 гг., о котором кн. П. А. Вяземский писал, что Тютчев был настоящим «*львом сезона*», и поводом к чему послужил косвенный его ответ на появившуюся в предыдущем году пасквильную книгу маркиза Кюстина о России⁶. Сделал это Ф. И. по собственному почину, в форме открытого письма на имя др. Кольба, главного редактора влиятельной «Универсальной Газеты», издававшейся в Аугсбурге на французском языке и читавшейся всеми государственными мужами Европы, не исключая и правителей гордого Альбиона.

Полный перевод этой статьи, сделанный, быть может, самим Тютчевым, имеется в упомянутом выше собрании его сочинений, изд. Маркса, я же позволю себе выписать тут из нее лишь два характерных отрывка:

«...Я — русский, милостивый государь, как я уже имел честь Вам объяснить, русский сердцем и душою, глубоко преданный своей земле, в мире со своим правительством и совершенно независимый по своему положению. Стало быть, мнение, которое я попытаюсь здесь высказать, — мнение русское, но свободное и совершенно чуждое всяких расчетов. И не опасайтесь, чтобы, в качестве русского, я ввязался, в свою очередь, в жалкую полемическую, вызванную недавно одним жалким памфлетом. Нет, милостивый государь, это дело не настолько серьезно. Книга г. Кюстина служит новым доказательством того умственного бесстыдства и духовного растрепывания (отличительной черты нашего времени, особенно во Франции), благодаря которым дозволяют себе относиться к самым важным и возвышенным вопросам более нервами, чем рассудком; дерзают судить весь мир менее серьезно, чем, бывало, относились к критическому разбору водевиля. Что же касается до противников г. Кюстина, до так называемых защитников России, то они, конечно, искреннее его; но они уже слишком просты... Они представляются мне людьми, которые в избытке усердия в состоянии поспешно поднять свой зонтик, чтобы предохранить от дневного света вершину Монблана.... Нет, милостивый государь, мое письмо не будет заключать в себе апологии России... Боже мой! Эту задачу принял на себя мастер, который выше нас всех, и который, мне кажется, выполнял ее до сих пор довольно успешно. Истинный защитник России — это история; ею в течение трех столетий неустанно разрешаются в пользу России все испытания, которым подвергает она свою таинственную судьбу...

Будемте говорить серьезно, потому что предмет этого заслуживает. Россия вполне готова уважать историческую закон-

ность народов Запада; тридцать лет тому назад она вместе с вами заботилась о ее восстановлении, о водворении на прежних основах; следовательно, она действительно расположена уважать ее не только в принципе, но даже со всеми ее крайними последствиями, даже с ее увлечениями и слабостями; но и вы, со своей стороны, должны учиться уважать нас в нашем единении и нашей силе!

Но мне скажут, что несовершенства нашего общественного строя, недостатки нашей администрации, положение низших слоев нашей народности и проч., — что все это в совокупности раздражает общее мнение против России? Неужели?! Возможно ли, чтобы мне, готовому жаловаться на избыток недоброжелательства, пришлось бы тогда протестовать против излишнего сочувствия? Потому что, в конце концов, мы не одни на белом свете, и если вы обладаете таким чрезмерным запасом сочувствия к человечеству, если вы не находите ему помещения у себя и в свою пользу, то не сочли бы вы более справедливым разделить его между всеми народами земли? Все они заслуживают сожаления. Взгляните, например, на Англию! Что вы о ней скажете? Взгляните на ее фабричное население или на Ирландию, и если бы вам удалось вполне сознательно подвести итоги в этих двух странах, если бы вы могли взвесить на правдивых весах злополучные последствия русского варварства и английского просвещения, — быть может, вы признали бы более своеобразности, чем преувеличения, в заявлении того человека, который, будучи одинаково чужд обеим странам и равно их изучивший⁷, утверждал с полнейшим убеждением, что в Соединенном Королевстве⁸ существует по крайней мере миллион людей, которые много бы выиграли, если бы их сослали в Сибирь!!..» *

Не следует удивляться резко полемическому тону этой статьи, направленной, м<жду> пр<очим>, не столько против Англии и Франции (Кюстина), сколько против немецких руссофобствовавших либеральных кругов**. То были беспокойные времена, предшествовавшие Крымской экспедиции «Западных Союзников», и в психологической подготовке к которой страсти разгорелись так, что знаменитый польский поэт Красиньский⁹, в других отношениях отнюдь не узкий и не кровожад-

* Стр. 379—380 и 292—293 «Полного собрания сочинений Ф. И. Тютчева». СПб.: изд. Маркса, 1913.

** Недаром это открытое письмо д-ру Кольбу перечитывалось впоследствии под заглавием: «Россия и Германия».

ный, мог писать в официальной докладной записке императору Наполеону III:

«Россия — это продукт смеси наизловреднейших и наирас-
тленнейших элементов, какие только известны истории. Мо-
ральное разложение и вырождение последних часов Византии
перешли в ее Церковь и в ее дипломатию. Неумолимая жесто-
кость и холодное бесчувствие монгольских ханов стали пружи-
ной ее администрации. Социальные учреждения первобытных
славян выродились среди ее населения. Россия стала великой
коммуной, управляемой военной и священнической властью...
Россияне же суть самые несчастные и в силу этого самые испор-
ченные существа на свете, ибо избыток несчастий возвышает
лишь великие души, тогда как обычные люди от него лишь
окончательно отупевают. Россияне — это проклятые грешники
современного мира и, как все проклятые, имеют одно лишь уте-
шение: свою гордыню. В глубине сердца они отдают себе отчет
в своем глубоком падении; но они не обладают достаточным ра-
зумением, ни достаточным человеческим достоинством, чтобы
покончить с этой деградацией. Они хотят даже вознести ее до
пределов какого-то идеала рабства и тешат себя мечтой, что
рано или поздно весь свет подпадет той же неволе, что и они...

Чтобы избегнуть такого жалкого конца, имеется только один
способ: война до полного ослабления России...» *

Поистине Смутные для Европы годы, о которых Бисмарк
писал в свое время так:

«В этой обстановке наша Либеральная Партия вела курьез-
ную двойную игру. Я вспоминаю объемистый меморандум,
циркулировавший среди этих господ, и которым они м<жду>
пр<очим> и меня старались привлечь на свою сторону. В нем
указывалась цель, к которой якобы должна стремиться Прус-
сия как авангард Европы, а именно — расчленение России: от-
торжение от нее прибалтийских стран, с Петербургом включи-
тельно, в пользу Швеции и Пруссии, а также восстановление
Польши в ее максимальных границах; остаток же России дол-
жен был быть расколот на Великороссию и Украину (независи-
мо от того, что большая часть последней уже включалась
в Речь Посполитую!..). И такими детскими утопиями тешились
эти в других отношениях далеко не глупые головы Гетманов-
ской партии, разыгрывая из себя государственных мужей и счи-
тая возможным третировать в будущей Европе 60-миллионную

* Перевожу с польского текста, недавно воспроизведенного в «Ка-
лендаре Дзенника Польского» в Великобритании на 1952 год.

великоросскую массу, как мертвое тело, без риска сделать из нее естественного союзника любого врага Пруссии»... И такие-то политики не только сами себя почитали мудрыми мужами, но и восхвалялись как таковые всей либеральной печатью...

За высказываниями этой печати внимательно следил и наш поэт: немудрено, что и он тогда заразился общим задором, хоть через четверть века, умудренный годами, и писал:

От жизни той, что бушевала здесь,
От крови той, что здесь рекой лилась,
Что уцелело, что дошло до нас?...

.....

Природа знать не знает о былом,
Ей чужды наши призрачные годы,
И перед ней мы смутно сознаем
Себя самих лишь грезю природы.
Поочередно всех своих детей,
Свершающих свой подвиг бесполезный,
Она равно приветствует своей
Всепоглощающей и миротворной бездной.

(Авг. 1871).

Но в то время, повторяю, он был по горло в политике, и крепко верил, что:

Тогда лишь в полном торжестве
В славянской мировой громаде,
Строй вожделенный водворится,
Как с Русью Польша помирится.
А помирятся ж эти две
Не в Петербурге, не в Москве,
А в Киеве и Цареграде...

а пока:

Уж третий год беснуются языки —
Вот и весна, и с каждою весной,
Как стая диких птиц перед грозой,
Тревожней шум, разноголосей крики.

И, прислушиваясь к этим воинственным крикам, наш темпераментный политик сам все более увлекался, парируя нападки врагов и прозой, и стихами: составляя докладные записки на Высочайшее Имя (одна из которых была, издана им в 1848 году под заглавием «Россия и Революция», на французском языке, в Париже), контратакуя и Ватикан («Папство и римский вопрос с русской точки зрения» — 1849 г.) и не останавливаясь, как мы уже видели выше, перед самыми смелыми вызовами и про-

рочествами, к которым я позволю себе прибавить, для полноты картины, еще один образчик:

.....
 Вставай же, Русь! Уж близок час!
 Вставай Христовой службы ради!
 Уж не пора ль, перекрестясь,
 Ударить в колокол в Царьграде?

В доспехи веры грудь одень,
 И с Богом, исполин державный!
 О, Русь, велик грядущий день,
 Вселенский день и православный!..

(Дек. 1854)

Не следует, однако, думать, что это более чем горячее стояние «у русской чести на часах» (да простит мне тень поэта эту парафразу-плагиат!) имело решающее влияние на карьеру полуопального дипломата. Считая его (увы, не без основания! Вспомним хотя бы лишь «похищение» им из Смольного молоденькой Елены Денисьевой) за человека малосерьезного, влиятельные государственные мужи хоть и ценили его острый ум и писательское мастерство, к историософическим его мечтам относились с опаской и к делам действительно государственной важности не допускали.

Крымская кампания, как мы теперь знаем, к сожалению, доказала, что эти скептики были значительно ближе к действительности, чем наш поэт-идеалист. Но можно себе представить, каким жестоким ударом было для него это крушение его столь величественно-радужных упований!..

Все же и это великое разочарование не отвратило его от политики. Он только стал пристальнее приглядываться к делам внутренним, как бы подтверждая этим известные слова своего нового начальника, кн. М. А. Горчакова, сменившего Нессельроде при Александре II: «Россия не дуется. Россия ушла в себя», и к этому послевоенному периоду относятся как раз лучшие и заслуженно известнейшие политические стихи исцелившегося от своей «имперской мегаломании» Тютчева (исцелились ли от нее его духовные дети — другой вопрос!). Я имею в виду два составляющие как бы диптих стихотворения:

Эти бедные селенья,
 Эта скудная природа —
 Край родной долготерпенья,
 Край ты русского народа!

Не поймет и не заметит
 Гордый взор иноплеменный,
 Что сквозит и тайно светит
 В наготе твоей смиренной.

Удрученный ношей крестной,
 Всю тебя, земля родная,
 В рабском виде Царь Небесный
 Исходил, благословляя.

(1855)

Над этой темною толпой
 Непробужденного народа
 Взойдешь ли ты когда, Свобода,
 Блеснет ли луч твой золотой?

Блеснет твой луч и оживит,
 И сон разгонит и туманы...
 Но старые, гнилые раны,
 Рубцы насилий и обид,

Растленье душ и пустота,
 Что гложет ум и в сердце ноет,
 Кто их излечит, кто прикроет?..
 Ты, риза чистая Христа.

(1857)

и дополнившее их несколько позже (в 1866 г.) знаменитое четверостишие:

Умом России не понять,
 Аршином общим не измерить:
 У ней особенная статья —
 В Россию можно только верить.

Вера эта не покидала стареющего поэта до последнего вдоха, и если ему и привелось потом, в минуту тоски, как-то вздохнуть:

Ты долго ль будешь за туманом
 Скрываться, Русская звезда,
 Или оптическим обманом
 Ты обличишься навсегда?..

то в другом из последних политических стихотворений Тютчева («Дым», апрель 1867), звучащем так удивительно актуально в наши смутные дни, мы сможем зато прочесть такие в своем заключении утешительные строки:

Здесь некогда, могучий и прекрасный,
Шумел и зеленел волшебный лес, —
Не лес, а целый мир разнообразный,
Исполненный видений и чудес.

.....

И вот опять к таинственному лесу
Мы с прежнею любовью подошли.
Но где же он? Кто опустил завесу,
Спустил ее от неба до земли?

Что это? Призрак, чары ли какие?
Где мы? И верить ли глазам своим?
Здесь дым один, как пятая стихия,
Дым — безотрадный, бесконечный дым!..

.....

Нет, это сон! — Нет, ветерок повеет
И дымный призрак унесет с собой...
И вот опять наш лес зазеленеет,
Все тот же лес, волшебный и родной!

Дай Бог этим последним отрадным словам стать вскоре для нас и пророческими.

1954

